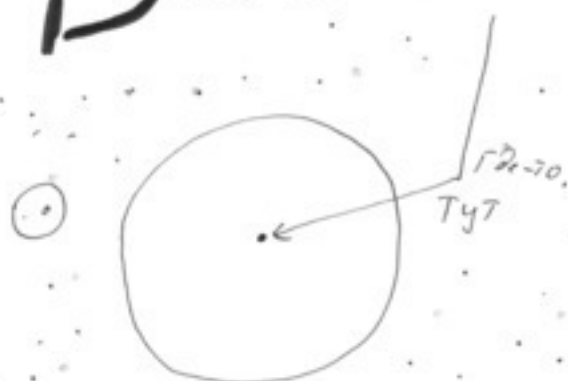

А. Ермак

Большие П.

Москва - 2011

Александр Ермак

Большие П.

«Автор»

2011

Ермак А.

Большие П. / А. Ермак — «Автор», 2011

Все замечательно в деревеньке Большие П.: и на зуб есть еще пока что положить, и народ, несмотря ни на что, продолжает плодиться, и наука успешно разваливается, и модернизацию переложили, и образованность хуже некуда, и врачи режут по живому, и бизнес даже есть, и армию удалось деградировать, и полицейские формирования слились в экстазе с бандитскими, и культур мультирит по фене, и хватательная с давательной властью не прозябают. Вот только нет покоя на душе народонаселения и обращается оно к высшим инстанциям с просьбой переименовать деревеньку в Великие П.

© Ермак А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

О хлебе насущном	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Ермак

Большие П.

Здравствуй, наш очень дорогой!

Прошу от всей деревни, не пожалей времени своего на рассмотрение и прости меня, если я чего не так объясню. Люди мы в наших краях за телегой времени не всегда поспевающие и иногда отсталые по всем статьям гражданского, а то и, чего душой кривить, уголовного кодекса. Однако ж живехоньки и спешим заверить, что владения твои в подразумеваемых границах по-прежнему простираются. Так и не прибрал деревеньку за годы оные никакой супостат заморский. Ни силой, потому как никакой силы на масштабы наши не напасешься. Ни мощной, потому, как нет никакого смысла ею над головами нашими сотрясать. Конечно, будь мы Малые или там Средние Пиздюки, то нас, конечно, давно бы кто распиздючил, но мы, слава те господи, Большие, и потому внешнему распиздючиванию не подлежим.

Честно сказать, так и в остальном к нашим окрестностям сплошное благоволение. Ни тебе трясения земного, что могло бы поглотить в чреву подножную, ни огня-пепла с горы жаркой, ни волны апокалипсической с моря-океана. Так что в целостности и сохранности прозябаем. Ни дать ни взять, хранит бог Большие пиздюки. На хрена хранит, хрен разберешь, ну, да и на хрен разбираться. Ныне головушки наши заняты боле по существу. Куда ни кинь, а от Больших Пиздюков уже пованивает анахронизмом, и, как нож в горло, надобно нам иметь новое название в соответствии с сутью, духом и на вырост.

Нет, от собственно Пиздюков мы не отказываемся, хотя таковыми и не всегда являлись. Это точно: и по записям, и по былинам от старика к старику передаваемым выходит, что известны мы были и под другими названиями. Звалось село наше в иные годы и Богатово, и Щедрово, и Добронравово, а еще Надеждино, и даже Мессиево. Удивительно, но, оказывается, не водилось у нас пиздюков изначально. Исконно жили тут Мудровы, Умельченковы да Скороуковы. Приживались по торговой линии Мудоняны, Фалоссини и Попеску с прочими соплеменниками. А вот пиздюков не водилось. И даже слова такого никому на ум не приходило. Но потом как-то в високосный, должно быть, год родился один Макар, ни в отца, ни в мать, сам по себе. Вот так вот и заявил он не только деревне, но и всему белу свету:

— Я, бля, шибко особенный. И моя земля, бля. И поля, бля. А потому не могу я соблюдать повсеместно распространенные шаблоны и стандарты. У меня свой славный путь, особая иноходь. А куда именно, как и зачем, никому понять не дано, потому как все остальное миронаселение мне не ровня, оно мне ровно чуть выше колена...

Огляделась наша деревенщина на себя да по сторонам и согласилась: и все не так, и ровно чуть выше колена. Так что таким вот Макаром и зародилась у нас новая пиздюковская порода, которая поперла в хвост и в гриву всем остальным на зависть. Однако ж самое наименование появилось позднее и имеет чужестранное происхождение. Свидетельства остались, мол, какой-то инородный захватчик из самых дальних деревень заблудил в наших местах да и засмотрелся на леса-поля-чернозем-рекисрыбой-озера-пушнину-уголь-нефть-золото-лопаты-вилы-топоры-скотство-пьянство-тулуп-пимы-мех-пух-треух. И так он, сердешный, на все это раззявился, так восхитился всей своею иноземною душою, что пустил слезу и чистосердечно высказался:

— Какие же вы все-таки пиздюки!

Наши же селяне на это довольно переглянулись. Вот, наконец, даже и заграница признала всю особливость, все величие и благородство поселения нашего, и, стало быть, никуда не деться, быть нам Пиздюками. На что и получено было соответствующее высочайшее разрешение.

Так по существу название наше вроде бы и образовалось, а со временем, конечно, согласно разным внешним и внутренним обстоятельствами, получило дальнейшие метаморфозы. Бывали мы и Имперскими Пиздюками, и Февральскими, и Октябрьскими, и Красными, и Белыми, и Новыми, и Старыми, и Дальними, и Ближними, и еще Индустриальными, Кукурузными, Резервуарными, Ядреными, Застойными, Отстойными, Перестроенными, Культовыми и даже Нанопиздюками. Последние же исключительно плодотворные годы мы жили, как Большие Пиздюки. Ой, как славно текли те денечки! Таких мы реформ понатворили во всех сферах человеческой и нечеловеческой жизнедеятельности. Таких результатов нагромоздили... Глядишь и слезу пускаешь, и сердцем заходишься, и хочешь не хочешь, а думать начинаешь, что Большие Пиздюки нам, как детская шапочка на свиное рыло. Нешуточно мы из этого наименования вымахали. Жмет оно и в коленках, и особенно в области височной кости напирает. Вот потому и вызрело у нас сначала озимое, а потом и яровое предложение – утвердить деревне новое имя. Пусть зовется она на благо и как есть – Великие Пиздюки. В самую, так сказать, штопаную дырочку.

Нет, наш очень дорогой, ты не спеши, ты так сразу не отвергай, не отмахивайся, ишь, мол, куда занесло вас, пиздюков таких. Подожди, не горячись, я далее тебе так искренне и честно картину всю обрисую, что согласие на тебя тут же безысходно и окончательно снизойдет, и станем мы, куда деваться, наконец, уж по всем статьям тем, к чему от природы самой предрасположены. Честное слово, обо всем в подробностях и по порядку поведаю, как есть оно, так все тебе по кучкам и выложу.

О хлебе насущном

Уж с чем с чем, а с предпосылками к сытому существованию у нас полный порядок. Куда ни кинь, а кругом чернозем. За порогом по колено влипнешь – чернозем. Червя для рыбалки заготавливаешь – чернозем. Могилку или для отхожего места рыть возьмешься – опять чернозем. А жирный какой, копать его не перекопать! Хошь гречиху расти, хошь пшеницу возвращай, а то и кукурузину засаживай или сою повсеместно разсеменяй.

Да уж, такая у нас земля плодородная, что хочешь вырастет, если посадишь. Ну, а пока не посадили, так лебеда да крапива от горизонта до горизонта взор ублажает да гордость пиздюковскую питает. Глядишь, глядишь на черноземище нераспаханное, пустишь слезу да и прозреваешь вдруг. Доходит до тебя. Докарабкивается. Достукивается. Чего там греча с кукурузиной! Да здесь же папайю с фейхуею запросто выращивать можно. К агрономше не ходи, мужиков наших поспрошай. Они-то у нас эту тему не первый день оппонируют. Каждый день с утра – дождь ли, снег ли – собираются за околицей и пальцы веером в землю тычут, нюхают да обливаются. Одни предъявляют:

– Гляди, вырастет манга!

Другие аргументами своими немалыми машут:

– Не вырастет! Она ж, гада, песок любит!

Но те, кто «за», не сдаются:

– Так, если ж глины впополам с песком в наш чернозем внести, то тогда никуда не денется, примется, вырастет, вымахает!

И глядишь, уже колеблются те, кто в наш чернозем не верит:

– Ну, если на это поле глины с песком по железной дороге завести составов двести, то тогда манга, пожалуй, и взойдет. Но только если двести, никак не меньше. А иначе земля только для бананов и сгодится.

Ну, с этим-то, понятно, все соглашаются:

– Нет, бананы нам не нужны. От них пучит. И огненная вода на них опять же получается не та, как на манге. Эх, помнишь, как кум твоего внучатого племянника хрен знает откуда привозил и хвастал, что манга там растет повсеместно и на всеобщее удовольствие...

– Да, было дело, – подтверждают и те, и эти. – Довелось откусывать амброзии. Славное воспоминание. Не зря жизнь прожили, мужики...

Так что чернозема перегнойного у нас завались. Как навоза в оные годы. Да, бывало, добра этого такие россыпи, залежи и на улице тебе, и за околицей, а то и прямо на пороге. Ой, сколько ж его скотина разнообразная производила! Ой, старательны были по этой части и коровы, и овцы, и козы местечковые! И все им мало было. Мычали, блеяли, так и рвались, паршивцы рогатые, на душистые сенокосы да на заливные луга наши знатные. Всю красоту загадить хотели. Но, слава богу, какофония эта скотская закончилась. Прекратился мычез да блееж. Как есть, вся животины пиздюковская копыта отбросила. Кто говорит, что мор иноземный, завистниками занесенный, по селу прошел. Кто предположение высказал, что не может корова-коза-овца недоенная более недели стоять, потому идохнет в непонятии. Ну, а кто-то заметил, что вовсе и в недодое дело. Мол, все даже и не по зеленой погоде происходило. Дескать, скотина еще зимой сдохла, потому как заскучала сильно без пережевывания сена-соломы, которых пиздюки в сезон заготавливать не стали по причине глубоких раздумий на актуальные сельскохозяйственные темы.

Ну, теперя уж точной причины скотского поведения никто и не помнит. В памяти людской осталось только, что холодец в тот год вся деревня повсеместно варила да от души наяривала. И еще все знают, что опосля, прослышав про скучный уход скотины, приезжали к нам ветеринары и гуманитары из соседних селений. Изучали они овины, коровники под микроско-

пами и заодно пиздюков просвечивали, обнюхивали, до крови кололи, ждали, что из-под кожи у них, может, какая гадина заразная на свет божий объявится, по которой и диагнозу облегчение выйдет. Однако ничего из пиздюков гуманитары не выделили и причину такого скотства на молекулярном уровне так и не определили. Решили только, что, наверное, если и есть та гада в пиздюках, то слишком глубоко кроется, но так не резать же их из-за гипотезы по живому до полного расчленения и испускания.

Так что помаячили-покудахтали в тот год по селу гуманитары, не разобрались в скотской причине, да так и уехали ни с чем, только помощь ихнюю напоследок и упросили принять. Вот ведь, неугомонные, который год уже шлют, шлют, шлют. Консервы, муку, порошок яичный, как будто мы тут уж совсем беззайцовые. И еще одеждой ношенной последней, видать, из своих шкафов делятся, мол, попросите, и трусы с себя снимем – все вам готовы отдать. Добрые люди! Но только нам чужих ношенных трусов с дырками не нужно. Однако ж напрямки сказать об этом не можем, потому как люди мы вежливые и вынуждены никому не отказывать, принимать все, что шлют, хотя, если понадобится, и сами прожить во всеуслышанье можем. Даже и без порток. Хотя и мерзнем мы подчас все время, но не копытимся же. Как кормились с огорода спокон века, так и кормимся – продолжаем летом грызть да на зиму банки закатывать. Так что живем, вот, да клубни жуем. Каждый год у нас урожайный. И этот не исключение. Соседка моя говорит, что руку уже запускала и что вполне они уже как у мужика еенного. Значит, не помрем с клубнями-то. И то верно. До сих пор ведь никто с голоду не тронулся, поля черноземные удобрять-распахивать не рванул. Чего ж понапрасну красоту нашу, гордость пиздюковскую крапивушку-лебедушку изводить. Ведь все равно не сегодня, так завтра, а не завтра, так точно послезавтра, но какая-нибудь напасть обязательно приключится, налетит, никуда не денется или саранча, или тля или еще какая бя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.